

За чужими
ОКНАМИ

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая <i>жизнь</i>	Дорога <i>на две улицы</i>
То, что <i>сильнее</i>	Верный <i>муж</i>
Мапкино <i>счастье</i>	А жизнь была <i>совсем хорошая...</i>
Беспокойная жизнь <i>одиноким женщиной</i>	Ее последний <i>герой</i>
Второе <i>дыхание</i>	Вечный запах <i>флоксов</i>
Испытание <i>медными трубами</i>	Женский <i>день</i>
Всем <i>сестрам...</i>	Кровь <i>не вода</i>
И шарик <i>вернется...</i>	Можно я побуду <i>счастливой?</i>
Дневник <i>свекрови</i>	Женщины, <i>кот и собака</i>
После <i>измены</i>	Миленький <i>ты мой</i>
Ошибка <i>молодости</i>	Фиалки <i>на десерт</i>

*Мария
Метлицкая*

*Я буду любить
тебя вечно*

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии и иллюстрация
на первой странице переплета *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Я буду любить тебя вечно / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-99058-0

Все в детстве читали сказку про Золушку. И все мечтали оказаться на ее месте — встретить принца, который приведет в прекрасную, блестящую жизнь и сделает счастливой.

Милочка встретила принца, который исполнил ее мечту — из нищего барака привел ее в шикарную квартиру, завалил подарками, сделал счастливой. Но главное — она его полюбила. По-настоящему, на всю жизнь.

Сказка про Золушку на этом закончилась. Началась жизнь. А жизнь порой бывает несправедлива и сурова. Человек слаб, соблазн поменять одного принца на другого, более удачливого, есть всегда. Как поступит Милочка — как в сказке или как в жизни?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99058-0

Я буду
любить
тебя вечно

Лето семьдесят второго выдалось чудовищно жарким. Даже не просто жарким, а удушающим, в Подмоскowie горели торфяники. Москва задыхалась, больницы не справлялись с потоком несчастных сердечников, которым зачастую просто не успевали оказывать помощь — прямо из приемного покоя они попадали в больничный морг.

Но Милочка от жары не страдала: в ее, точнее их с мужем, квартире мерно гудел кондиционер — редкая, почти неизвестная по тогдашним временам вещь. Муж, привыкший, казалось бы, к жизни в жаркой стране, переносил московскую жару на удивление плохо, поэтому и привезли из далекого Баку это громоздкое, но необходимое приспособление.

Да и плотные шторы на окнах были нелишними.

Обычно Милочка просыпалась к полудню. Долго лежала с закрытыми глазами, словно не хотела смотреть на происходящее вокруг. Впрочем, ничего и не происходило — в квартире было оглушитель-

но тихо. Муж давно был на службе, а домработница Зина ходила по дому босиком — не дай бог потревожить хозяйку! Деревенская Зина была непроста — горничные, водители, слесаря и прочий персонал, обслуживающий дипломатов, был «при погонах». А по-другому и быть не могло.

Милочка припомнила, какой сегодня день: четверг! Значит, вредоносной Зинки сегодня не будет. Да и слава богу. Кофе она себе сварит, справится. А вечером они с мужем идут на прием, там и поужинают. Впрочем, проблемы питания ее не волновали — сама, как говорится, не едок, а муж почти все вечера по ресторанам. Он так привык еще с холостяцких времен. А в холостяках ее драгоценный супруг ходил много лет. Да не просто в холостяках — женихом он был завидным!

Подумав о нем, о своем благоверном, Милочка громко вздохнула. Вот перевернуться бы на другой бок, закрыть покрепче глаза и... Вставать не хотелось. Потому что знала — сегодня (и завтра, и послезавтра) все будет абсолютно одинаково — утро, день, вечер, ночь. До оскомины на зубах, до тошноты. Ничего нового не случится — сценарий ее жизни был расписан и утвержден — мужем, судьбой и привычками. Значит, нового ждать не приходилось. А старое было неинтересным.

И все-таки Милочка встала — начинала болеть голова, а это означало, что срочно необходимо выпить кофе — крепкого, сладкого, со знакомой и любимой горчинкой. К хорошему кофе ее приучил муж — сам большой знаток и любитель. Восточный человек, это понятно. Кофе ему доставляли

с родины — тот, что продавался в магазинах столицы (если, кстати, еще и продавался!), он не признавал.

В квартире было прохладно и даже холодновато. Жужжал кондиционер. Милочка поежилась, накинула теплый халат, поставила варить кофе и подошла к окну. Распахнув шторы, открыла окно. В ту же минуту в квартиру ворвался шум, запах и жар улицы. Окно она тут же захлопнула — как надоела эта жара! Ей захотелось зимы — морозной, белоснежной, свежей и ароматной от запаха хвои.

Кофе она выпила с удовольствием. А вот есть не стала, открыв высоченный «Розенлев», глянула туда и тут же захлопнула. Ничего не хотелось — ни копченой колбасы, ни черной икры, ни французского сыра.

Выпив кофе, пошла в ванную и долго разглядывала себя в огромное зеркало, висящее над голубой раковиной. Потом открыла баночку с кремом — французским, дорогущим. С удовольствием вдохнула его запах — земляника и мандарин.

Потом не спеша переместилась в гостиную и прилегла на диван, рядом с которым, на мраморном столике, стоял телефон. Пару минут Милочка смотрела на него, а потом набрала номер. На том конце провода раздался хрипловатый и вялый голос.

— Это я, — проговорила Милочка. — Ну как дела?

В общем, начинался день. Ее день — обычный и похожий на все остальные.

Устроившись поудобнее, она принялась слушать подругу. Хотя какую подругу? Подруг у нее не было. Так, приятельницы.

Не то чтобы это было ей интересно. Просто... Это тоже было привычкой. Надо же было как-то начать наконец этот день. Иначе... Иначе можно было рехнуться.

* * *

Свое детство и отрочество Милочка вспоминать не любила — да и что там была за радость! Все было тускло, уныло, тоскливо. Так, что возненавидела она ту жизнь навсегда.

Комнатка в бараке в Орехове-Зуеве. Комбинат, где работала мать. Вся жизнь поселка крутилась вокруг комбината — камволки, как называли его местные. Шелкопрядное производство братьев Морозовых после революции переродилось в камвольный комбинат. Рабочих селили в бараки, оставшиеся еще с тех дальних времен. Удобств не было — туалет на улице, вода из колонки, а готовили на газовых плитках, стоящих в коммунальных кухнях, периодически меняя баллоны.

Ад — так называла свою молодость Милочка, но только про себя. В той новой жизни, к которой она так стремилась и куда, собственно, и попала, про ее прошлое никто не знал. Той жизни она стыдилась.

Мать работала на камволке — тяжело, сменами. Приползала усталая, с потухшими глазами и серым от пыли лицом. На хозяйстве была бабка Нюра, тетка матери, приехавшая из деревни. Вызвали ее для дела — растить девочку Милочку.

Отца своего Милочка не знала и не видела никогда — мать отмалчивалась, а вредная бабка поджима-

Я буду любить тебя вечно

ла губы и выдавала всегда одно и то же: «Сволочь он. Сволочь как есть. И чего про него говорить?»

В детстве Милочка мечтала — вырастет, поедет в Москву и найдет отца. Папу. Папочку. Он, конечно же, ей страшно обрадуется и умилится, что они похожи: ах, какая выросла девочка! Какая красавица — гордость отца. Он, ее папочка, будет, конечно же, известный и очень богатый — например, артист кино или театра. Большого — других театров Милочка и не знала. Или он может оказаться известным футболистом — они тоже богатые. Или писателем. Какая разница? Главное — что он есть.

Конечно, папочка оставит ее у себя. Никаких сомнений. В большой, нет — в огромной квартире с видом на Кремль. Ну или на Москву-реку. Там будет блестящий паркет, по которому она, Милочка, будет плавно скользить как балерина. У отца будет много вкусной еды — торты, пирожные, шоколадные конфеты. Конечно, мороженое — разноцветное: розовое — фруктовое, белое — сливочное и коричневое — шоколадное. Ешь сколько хочешь, никто слова не скажет.

К нему будут приходить красивые и нарядные гости — актеры, писатели, музыканты. Может быть, даже Майя Плисецкая. Или Сергей Бондарчук. И все они станут, конечно же, восхищаться красавицей Милочкой. А папа будет очень доволен!

Мечты, мечты... Но Милочка верила.

Бабка Ньюра целый день торчала на кухне — цапалась с соседками, крутилась у плиты, сплетничала. А после обеда выходила во двор.

Двор был грязным, захламленным старым, ненужным барахлом: колченогими табуретками, поломанными игрушками, сдутыми и рваными футбольными мячами, окурками, огрызками, шелухой от семечек, ржавыми консервными банками и обрывками газет. И никому не приходило в голову его подмести или хотя бы собрать мусор.

Женщины — в основном старые, молодые были на работе — сидели на лавочке, сбитой Восьмого марта, в Международный женский день, добродушными по случаю праздника мужиками. Правда, это было давно, еще до рождения Милочки. Теперь лавка покосилась и почернела, но на повторный подвиг мужики так и не сподобились, как бабы их ни упрашивали.

На улице женщины отдыхали — приглядывали за детьми, щелкали семечки, поносили мужей и сплетничали. Это и было их основным развлечением в тяжелой, горькой и постылой жизни.

Летом во дворе столбом стояла пыль, но никому и в голову не приходило включить шланг и прибить ее водой.

Конечно же, мужики пили. И пили горько, с размахом. Напивались с зарплаты и аванса. В эти «священные» дни многие жены торопились встретить мужей у проходной — а вдруг не успеет пропить? Многие соседи сидели. Бывали и драки — между супругами, соседями, детьми.

Летом во дворе стояли тазы со стиркой — в бараках нечем было дышать. Во дворе стирали, варили варенье, вынеся из дома керогаз и кастрюли. Тогда

в августе и сентябре по двору плыл сладкий запах ягод и фруктов.

На веревках полоскалось от ветра белье — мальчишки, конечно, попадали в него мячом, а женщины с криком бросались за ними.

Милочка ни с кем не дружила. Во двор почти не выходила — зачем? Слушать крики детишек и их заполошных мамаш?

Разборы, скандалы между соседями? Противно. Она ненавидела свой двор, своих соседей, свой городок. Ненавидела все — отвратные запахи дешевой еды — вареной капусты, горелого молока. Звуки рыдающей гармони, пьяные выкрики, громкие проклятия, покосившиеся темные бараки, пыльные и чохлые редкие деревца. Серую от пыли, вытопанную траву.

Она ненавидела все. «Папочка, папочка! — шептала она по ночам. — Пожалуйста, забери меня отсюда! Очень тебя прошу!»

Спасало то, что бабка Нюра в комнате почти не бывала — то торчала на кухне, то во дворе. Почти до вечера Милочка была хозяйкой в их узенькой темной комнатке — две кровати, старая раскладушка, со скрипом разбирающаяся только перед сном, иначе в комнате было бы не пройти. На раскладушке спала мать.

Мать возвращалась с работы, и садились ужинать — вечерять, как говорила деревенская Нюра. При этих словах Милочка морщила нос и закатывала глаза.

Нюра обижалась и жаловалась матери. Измученная мать махала рукой: дайте в себя прийти, господи!

От усталости она начинала плакать, но Милочке было ее не жалко. Сама виновата — не смогла удержать отца. Папочку.

На ужин обычно была каша — перловая или пшенная. Или картошка. После зарплаты — с куском колбасы или рыбы. Рыба воняла, от жирной колбасы болел живот. Иногда «подавались» макароны — серые, клейкие. Но — посыпанные сахаром. Их Милочка ела. Отодвинув тарелку с недоеденной кашей, она резко вставала со стула.

— Не нравится, барышня? — Бабка Нюра сверлила ее злобным взглядом. — Ишь, королева!

— Оставь ее, — коротко бросала мать. — Не хочет, да бог с ней! Проголодается — холодное съест.

Но Милочка не ела — на десять копеек покупала себе булочку с маком. Запивала газировкой из автомата. Да пропадите вы пропадом с вашими кашами!

Пенсию свою бабка Нюра копила, не отдавала. Оплачивала только «квартирные»: «Я у вас тут не за просто так — я на законных!» Но мать молчала — тетка и стирала, и гладила, и толкалась в очередях за продуктами. И как-никак, а готовила. Называла она Милочку Люськой. Так и орала в окно: «Люська, ты где?» Милочка злилась. Имя «Люська» казалось ей простым, каким-то шалавистым — что это за Люська? То ли дело Милочка! Настаивала на Милочке, а вредная бабка смеялась: «Милочка? Да так в деревне коров кличут! Выдумала чего — Милочка!»

А однажды... Стерва эта старая навсегда перечеркнула светлые Милочкины мечты — недобро усмехнувшись и глядя ей в глаза, вдруг выдала:

— Папашу своего ждешь?

Милочка затаила дыхание.

— А ты не жди, девка! Сгинул твой папаша — тютю! В тюрьме подох. Собаке — собачья смерть!

— В тюрьме? — глухо спросила Милочка. — В какой тюрьме, баба Ньюра?

— В какой, какой? В обныкновенной! Куда людей содят! Нет, не людей — убийц и воров! Вот и папаша твой — убийца!

— Почему? — еще тише спросила Милочка. — Почему он убийца?

— А я почем знаю? — разозлилась Ньюра. — Брата своего укокошил! Вот и сел, сволочь такая!

Милочка медленно встала из-за стола и вышла из комнаты.

Бабку Ньюру она теперь ненавидела.

И самым страшным было то, что в тот день навсегда рухнули светлые Милочкины мечты. Мечты о том, что отец, папа, папочка, заберет ее из этого ада и пригласит, поведет в новую счастливую жизнь.

Ньюра умерла, когда Милочке было двенадцать. Мать горевала: во-первых — единственная и последняя родня, а во-вторых — помощница. У самой сил ни на что не было — камволка забирала все.

Но задышалось им с Милочкой после этого легче. Ньюрины накопления нашлись через полгода, когда наконец собрались выкидывать старую кровать. Нычку увидела Милочка — грубый шов на обратной стороне матраса.

Вспороли легко — а там... Куча денег! Красная от возбуждения мать в который раз пересчитывала по-

тертые купюры и не верила своему счастью: «Дочь, а мы ж теперь богачи!»

И принималась мечтать:

— Купим кровать — тебе, новую! А я уж посплю на твоей! Поедем в Москву и справим пальто — мне и тебе, а? А давай холодильник? — вскрикивала мать, улегшись в постель. — А, Милунь? Надоело уж за окно! И будем как люди! А может, — мать замирала, словно боялась это произнести, — может, на море? Как думаешь, дочь?

Милочка громко вздыхала и, не отвечая, переворачивалась на другой бок. А что изменится, господи? Ну пальто. Ну холодильник. Ну даже море! И там они будут как... Нищенки. Считать копейки, отказывать себе во всем. Обедать в душной столовке теми же щами. Жить в таком же бараке.

Потом мать начинала сетовать:

— А как мы будем без Ньюры? Мы же с тобой совсем ни к чему не приспособленные!

Конечно, это была полная глупость, потому что зажили они без бабки Ньюры хорошо. Не просто хорошо — отлично зажили! Правда, денег им теперь всегда не хватало, то есть кончались они моментально, спустя пару дней после зарплаты. Вести хозяйство мать с Милочкой не умели. Зато теперь они покупали себе все, что хотели, — кексы с изюмом, вафельные тортики, шоколадки, мороженое, докторскую колбасу и шпроты в масле — если удавалось достать. И еще — сгущенное молоко, Милочка его обожала.

Мать приходила с работы и, растерянно улыбаясь, выкладывала из сумки все эти вкусности. Так

и ужинали — шпроты с хлебом и чай с тортиком. Красота! И никто больше не ворчал, не шипел, не ругал маму и не обзывал ее бестолковой неумехой, дурочкой и транжирой.

Мать, кстати, тоже словно освободилась от вечного бабкиного ворчания и скандалов («Я тута пашу на вас, а вы?»), сбросила с плеч тяжелый груз, стала улыбаться и даже изредка что-то напевать себе под нос. Правда, когда теперь она раскрывала кошелек, то сразу расстраивалась и бледнела.

— Как же так, Милочка? — удивлялась она. — И как мы дотянем до зарплаты?

Милочка беспечно махала рукой:

— С голоду не помрем! Как-нибудь, мам!

— Как-нибудь, — повторяла та и заметно грустнела.

С голоду, разумеется, не помирали — на картошку и макароны всегда хватало. Ели пустую картошку и смеялись.

— Вот она, расплата за удовольствие! — шутила мама. — Нет, все-таки Нюра была права: я жуткая неумеха и совсем безголовая!

— А ты мне такой нравишься, мам! — отвечала Милочка.

И мать улыбалась и молодеда.

Без Нюры была свобода: гуляй — не хочу! Никто не заглядывал в тетрадки с уроками, никто не зудел за плечом. Не заставлял есть перловую кашу.

В пятнадцать лет Милочка поняла, что она красавица. Как поняла? Да очень просто — на нее обращали внимание, оборачивались. Сосед Пал Васильич при ее появлении громко кричал и сильно краснел,